

Цзинпин уже переоделся в чистое платье, которое заботливо приготовил для него дядя Сунь. Его влажные после мытья волосы были небрежно перехвачены лентой на затылке. Увидев, что Ли Яо открыл дверь, юноша тепло, но сдержанно улыбнулся и шагнул в покои, неся в руках поднос.

— Великий дядя-наставник, я был кругом неправ, — негромко произнёс он. — Мне не следовало расспрашивать о том, что вы желаете сохранить в тайне. Но без завтрака вам никак нельзя.

С этими словами он налил из глиняного кувшина ароматную, томившуюся на медленном огне кашу, расставил чаши с лёгкими закусками и сладкими пирогами из тростникового сахара и, наконец, протянул Ли Яо палочки и ложку.

— Поешьте хоть немного, подкрепите силы.

Неожиданная чуткость и кротость Цзинпина застали Ли Яо врасплох.

«Да, этот мальчишка далеко пойдёт», — подумал он.

Ли Яо сделал глоток. Каша, долго томившаяся в глиняном горшочке, отличалась едва уловимым, освежающим травяным послевкусием. Сперва он решил, что дядя Сунь опять удумал сотворить что-то новенькое, но в следующую секунду всё понял: Цзинпин наверняка добавил в ковш цветки Куаньсан. А чтобы не злить наставника, аккуратно выловил их все до единого перед подачей.

Перед лицом такой безмолвной заботы Ли Яо оставалось лишь закрыть на всё глаза. Преодолевая подступившее чувство вины, он послушно опустошил чашу до самого дна.

За всё время трапезы ни один из них так и не обмолвился о давешней размолвке.

Ли Яо отложил палочки, вытер губы и задумчиво произнёс:

— Мой кашель — это врождённая слабость, наследие из материнского чрева. Тут достаточно простого укрепления сил, не нужно изводить себя попытками найти исцеление.

Цзинпин едва слышно пробормотал:

— Но ваш пульс говорит об обратном.

Ли Яо прикрыл глаза и мягко усмехнулся:

— Так оно или иначе, а испускать дух прямо сейчас я не собираюсь. Просто эта проклятая хворь совсем извела меня с утра. Я сорвался не на тебя, так что выброси это из головы.

Цзинпин был неразговорчив, но это вовсе не означало, что он глуп или бесчувственен. Напротив, люди его склада обычно куда тоньше чувствуют чужую боль, нежели те, кто привык безумолчно болтать обо всём на свете. Юноше чудилось, что за брошенным Ли Яо «оно того не стоит» скрывается глубокая, застарелая горечь.

Цзинпин промолчал, погружённый в свои мысли.

В комнате повисла неловкая, звенящая тишина.

Ли Яо почувствовал себя неловко и поспешил переменить тему:

— К слову, я ведь велел тебе проведать обитель. Удалось ли тебе встретиться с Великим учителем?

Цзинпин покачал головой:

— За два года я наведывался туда трижды, но Великий учитель всё время пребывал в уединении. Всем заправляет старший дядя-наставник, так что я не стал попусту докучать расспросами.

Всё шло своим чередом. Старшему соученику Ли Яо, главе клана, шёл уже девятый десяток. Старик всегда отличался нелюдимым нравом, так что многолетнее затворничество было для него делом привычным.

— Что ж, неудивительно. Твой собственный наставник сейчас тоже занят по горло, так что встретишься с ним разве что через пару дней.

— А что стряслось? — удивился Цзинпин. Он тут же вспомнил гружёные повозки, которые обогнал на тракте глубокой ночью. — По пути я видел вереницы телег с целебными травами. И кони в упряжках подозрительно походили на боевых скакунов... Неужели грядёт война?

Хотя до открытого столкновения дело ещё не дошло, приграничные заставы уже всюю готовились отражать набеги кочевников, если те вздумают воспользоваться смутой. То, что Цзинпин сумел сложить картину воедино, лишь мельком увидев обозы с лекарствами, говорило о незаурядном уме.

— И всё же... — продолжил юноша, — у меня не идёт из головы одно опасение.

Еще два года назад Ли Яо примечал, как Цзинпин зачитывается историческими хрониками,

однако они никогда прежде не касались дел государственных. Столь внезапное замечание разожгло в Ли Яо любопытство.

— Какое же? — спросил он. — Поделись.

— Пока я был в пути, то проезжал земли, где бок о бок селятся ханьцы и цзе, — заговорил Цзинпин. — Сейчас между племенами заключён мир, люди восстанавливают силы, и явных раздоров нет. Но если завтра вновь вспыхнет война... Я прикинул: больше половины наших крепостей делят пахотные угодья друг с другом. Случись беда, и воинам цзе будет достаточно перерезать пути снабжения, отделив поля от крепостных стен. Если подкрепление запоздает, в осаждённых городах мгновенно вспыхнет голодный бунт.

Суждение казалось излишне суровым, однако для юноши его лет подметить столь тонкую брешь в обороне государства, едва взглянув на карту дорог, было редким даром.

Ли Яо выслушал его, не перебивая, а затем мягко подтолкнул к продолжению:

— И какое же решение видишь ты?

— Нам надобно изменить само устройство крепостей, превратив их в подобие вложенных друг в друга колец, — Цзинпин говорил уверенно, явно обдумав каждую деталь заранее. — Граница обороны должна пролегать по внешнему кольцу, пашни — оставаться внутри, под защитой стен, а мирный люд — селиться в самом сердце города. Нынешнее общее земледелие — лишь нелепое наследство прежней династии, когда не хватало ни рабочих рук, ни ратников. Сейчас важнее всего побудить простых людей возделывать землю бок о бок с воинами. Сделать пахаря солдатом, а солдата — опорой мирного быта. Тогда, случись война, крестьянин отбросит мотыгу, возьмёт копье и будет сыт, а у крепости найдутся силы выстоять.

Слушая его, Ли Яо невольно проникся к юноше глубоким уважением:

— И ты сам до этого додумался?

Цзинпин покачал головой:

— Не совсем. Кое-что я почерпнул из старинных книг, но тамошние советы показались мне недоработанными, и я лишь развил мысль.

В этот момент раздался тихий стук, и в комнату заглянул дядя Сунь.

— Хозяин, к нам пожаловал секретарь Хуа.

Ли Яо невольно улыбнулся, повернувшись к Цзинпину:

— Какая поразительная связь. Твой наставник будто почуял твоё возвращение и примчался на крыльях ветра.

— Хм... — замялся дядя Сунь, спеша умерить восторг хозяина. — Господин Хуа прибыл не один. С ним ещё двое гостей. Вам лучше самому выйти во внутренний двор и взглянуть на них.

Кто бы это мог быть?

Озадаченный Ли Яо приподнял подол халата и поспешил к главному двору. Едва он миновал галерею, как до его слуха донеслись чистые, глубокие звуки циня.

Игра на цине когда-то была одной из тех забав, которыми Ли Яо лениво скрашивал досуг. Играл он сносно, но без особого рвения: больше слушал, чем перебирал струны, заучивать нотные свитки ленился, а к фальшивым звукам относился с полным равнодушием. Запала хватало от силы дня на три, после чего инструмент возвращался на стену, а сам хозяин отправлялся на поиски новых развлечений. Его собственный цинь сиротливо висел в главном зале уже больше полугода.

Но сейчас инструмент наконец обрёл достойного мастера. Незнакомец обладал безупречным слухом: в несколько касаний он настроил рассохшиеся струны и заставил их петь.

Лился старинный напев «Долгой тоски». Мелодия была простой, лишённой замысловатых переходов, и Ли Яо сам знал её наизусть. Едва расслышав первые созвучия, он замер как вкопанный прямо перед круглой лунной аркой, не решаясь сделать шаг наружу. Он сразу понял, кто сидит в саду.

Во внутреннем дворе негромкий голос выводил под рокот струн:

— Полон двор гостей, полны чаши вина, да струна оборвалась — не звучит старый напев, а в чертогах княжеских — лишь тщета былых чувств. Горы громоздятся веером, леденеют чистые воды. В сновидениях мы являемся друг другу часто, наяву же — увы, почти никогда. Когда же суждено нам свидание вновь?..

Бархатный, глубокий голос пел с такой щемящей, бесприютной тоской, что у любого слушателя невольно сжалось бы сердце.

И этот напев разбередил раны Ли Яо, лишая его остатков покоя.

Дождавшись, пока утихнет последняя нота, Ли Яо глубоко вздохнул и решительно шагнул из-за арки.

Музыкант мягко прижал ладони к дрожащим струнам, гася остаточное эхо. Не дав Ли Яо вымолвить ни слова, он поднял взгляд и тепло улыбнулся:

— Яньчу. Сколько лет пролетело... Твой названный брат пришёл, чтобы забрать тебя домой.

Перед ним стоял сам император Чжао Шэн. Владыка Поднебесной прибыл в простом платье, без пышной свиты и явной охраны. Сопровождали его лишь Хуа Синьфэн и плотный, широкоплечий мужчина средних лет.

В этих нескольких словах крылось слишком многое. Ли Яо оцепенел, не зная, что ответить, и лишь молча созерцал незваного гостя, замерев у порога.

Чжао Шэн же сам порывисто шагнул навстречу. Взглянув на белоснежные, точно иней, волосы Ли Яо, государь переменился в лице — в его глазах смешались потрясение, неверие и неизбывная печаль. Он робко протянул руку и коснулся пряди, спускавшейся на грудь юноши:

— Ты... Как же так?..

Голос императора дрогнул и прервался.

Ли Яо отступил на полшага назад, позволяя пряди скользнуть сквозь пальцы государя. Подобрав полы халата, он медленно опустился на колени и склонил голову в низком поклоне, почти касаясь лбом холодных плит. Кругом по-прежнему царило безмолвие. Он не находил нужных слов, да и говорить им было не о чем.

Южная Цзинь, как и её предшественница, всегда мнила себя оплотом конфуцианской благопристойности. В отношениях государя и подданных издавна обходились церемонным жестом «чашоу» — сложением рук перед грудью. На колени не падали никогда, разве что рушился сам небесный свод. В первые годы после переноса столицы евнухи из Управления по делам церемониала, сиясь угодить покойному императору, предложили ввести на утренних приёмах обязательное коленопреклонение, дабы ярче явить величие трона. Стоило этой вести дойти до советников, как во дворце поднялся форменный бунт. Придворные мужи подняли евнухов на смех, обозвав их «бескорневыми тварями», коим неведомо понятие о чести, раз они посмели выдумать столь подлую затею, попирающую достоинство опоры и гордости империи.

Кончилось тем, что покойный владыка лишил не в меру ретивого главу ведомства всех чинов и сослал его подметать конюшни, вменив в вину попытку осквернить заветы предков варварскими обычаями.

Увидев Ли Яо на коленях, Чжао Шэн переменился в лице.

— Мужчина не должен без нужды склонять колени! — с упрёком воскликнул он. — К чему эта покорность? Поднимайся же!

Однако Ли Яо замер, словно пустил корни в холодные плиты двора.

Стоявший за спиной государя Хуа Синьфэн невольно затаил дыхание, содрогаясь от дурного предчувствия.

Чжао Шэн молча глядел на него сверху вниз, а затем с тяжёлым вздохом подался вперёд и бережно, но крепко ухватил Ли Яо за плечи, заставляя подняться.

— Я знаю, сколько обиды ты затаил в душе, — негромко произнёс император. — Всё, что случилось в прошлом — лишь трагическая ошибка. — Он скользнул рукой за пазуху и извлёк оттуда изящную нефритовую подвеску с изображением бамбука, чьи расколотые края теперь стягивала тончайшая золотая вязь. — Вот поясной амулет, который я подарил тебе когда-то. В день своей... отставки ты швырнул его на императорский стол, разбив вдребезги. Но я приказал бережно собрать осколки и соединить их золотом. Если есть на то воля, даже разбитый нефрит можно склеить. Вернись со мной во дворец. Я всё тебе искуплю.

Сперва назвавшись «братом», а после перейдя на властное «Мы», государь сперва попытался смягчить былую суровость, но тут же напомнил, кто здесь истинный повелитель.

Ли Яо, разумеется, прекрасно разгадал эту нехитрую уловку. Он даже не взглянул на подвеску, лишь горько усмехнулся:

— Ваше Величество, этот ничтожный слишком слаб телом, чтобы принести пользу престолу. Моё сердце давно омертвело и лишь доставляет хлопоты. Если у государя есть повеление — я исполню его беспрекословно. Но если речь идёт о возвращении домой... мой дом отныне здесь.

Он был смертельно бледен, губы казались совершенно серыми, а голос заметно дрожал. Едва договорив, Ли Яо покачнулся, теряя равновесие, и стал заваливаться назад.

Чжао Шэн испуганно подался вперёд, пытаясь удержать его, однако Цзинпин среагировал быстрее. Юноша тенью скользнул сбоку и крепко обхватил Ли Яо за талию, не давая упасть.

Цзинпин не знал, какая драма разыгралась между ними в прошлом, но он никогда ещё не видел Ли Яо столь беспомощным. Знатный господин, которого они вчера встретили на постоялом дворе, оказался самым Сыном Неба.

Ну и что с того?

В эту минуту юношу волновало лишь одно: Ли Яо было плохо, он не желал уходить и откровенно страдал.

Уникальная маска Цзинпина сразу бросалась в глаза, и Чжао Шэн мгновенно его узнал. Однако император лишь окинул наглеца ледяным взглядом и, проигнорировав его присутствие, вновь обратился к Ли Яо:

— «Улыбка твоя ясна, помыслы светлы...» Яньчу, помнишь ли ты своего наставника Чжэн Чжэня? Полмесяца назад он отправился послом к племени хуха и до сих пор не вернулся. У нас есть все основания полагать, что кочевники удерживают его, желая прощупать наши силы. В обычные дни я бы просто отправил приграничный гарнизон забрать посла силой. Но сейчас половина наших лагерей скошена неведомой хворью. Если враг проведаёт об этом, на рубежах начнётся хаос. Я прибыл сюда, чтобы усмирить брожение в войсках. Но если хуха пойдут войной, прикрываясь телом твоего учителя, мне останется уповать лишь на тебя...

Имя «Яньчу» Ли Яо не слышал уже больше пяти лет. Его дал ему учитель Чжэн Чжэн, когда мальчику исполнилось четырнадцать.

На службу он поступил необычайно рано и быстро преуспел в делах. Чужаки звали его господином Ли-младшим или молодым генералом Ли, а близким не пристало обращаться к нему по личному имени, оттого и «второе имя» он получил на много лет раньше сверстников. Учитель Чжэн знал, как сильно юноша не любит свой иероглиф «Яо», означающий роковые перемены и гадательные черты, и попытался сгладить это имянуемой судьбой. «Яньчу» сулило ему покой и незыблемость первозданного начала.

Как жаль, что даже мудрость наставника не сумела превозмочь проклятие имени «Яо».

Если прежде у Ли Яо лишь прерывался голос, то теперь он дрожал всем телом.

Цзинпин крепче прижал его к себе, служа надёжной опорой. Из груди Ли Яо то и дело вырывался сухой, приглушённый кашель, от которого сердце юноши сжималось от щемящей боли.

С самого дня их знакомства, несмотря на постоянные хвори, Ли Яо никогда не казался Цзинпину слабым. Но сейчас, прижимая его к своей груди, юноша вдруг испугался: казалось, налетит резкий порыв ветра — и этот человек просто развеется невесомым пеплом.

Внутри у Цзинпина вскипело неистовое желание подхватить Ли Яо на руки и унести прочь — на край света, подальше от этого проклятого императора, приносящего одни лишь несчастья. К счастью, остатки разума вовремя умили этот порыв, напомнив, что безрассудная отвага лишь погубит их обоих.

— Великий дядя-наставник, — тихо, но на удивление ласково прошептал Цзинпин, нахмутив брови. — Если вам здесь не по душе, мы уйдём. Дела Поднебесной пусть решает кто угодно, только не вы. Если вы согласны, я увезу вас туда, где никто не посмеет потревожить ваш покой.

Подобная дерзость в присутствии Сына Неба могла стоить юноше головы. Хуа Синьфэн и стоявший рядом телохранитель уже сделали шаг вперёд, готовые скрутить наглеца, но император остановил их лёгким взмахом руки.

— Юноша, — Чжао Шэн пристально взгляделся в маску собеседника. — Вчера мы встретились мимолётом и толком не поговорили. Знаешь ли ты, кто стоит перед тобой?

Взгляд Цзинпина, проглядывавший сквозь прорези маски, оставался холодным как ноябрьский лёд.

— Знаю, — бесстрастно отозвался он. — Искусство предавать тех, кто вам помогал, у Вашего Величества, должно быть, семейное — столь безупречно вы им владеете. — Он скользнул пренебрежительным взглядом по золочёной подвеске в ладони императора. — Разбитый нефрит можно склеить, но трещины из него уже не изгнать. Неужели владыка Поднебесной не способен уразуметь столь простую истину?

От этих слов у присутствующих перехватило дыхание. Даже Ли Яо испуганно вскинулся:

— Замолчи! Как ты смеешь!.. — но договорить не успел — судорожный, удушливый кашель вновь сотряс его грудь.

— Оставь его, — Чжао Шэн мягко придержал Ли Яо за плечо. — Он говорит правду, я действительно виноват перед тобой. — Затем он вновь повернулся к Цзинпину: — Что ж, поведай мне, малый. Каким образом я, по-твоему, обрубил мосты? Говори без утайки, я выслушаю всё. Пусть это послужит утешением для твоего Великого дяди-наставника.

Дерзость Цзинпина граничила со смертным приговором, но Ли Яо понимал: император сейчас не станет карать мальчишку. Более того, им самим овладело крайнее любопытство. Цзинпин ведь совершенно ничего не знал о его прежних раздорах с престолом. Откуда же в его речах взялось это обвинение в предательстве?

<http://bllate.org/book/18368/1760223>